

**«ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК – ИЗМЕРЕНИЕ АСЕАН:
РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**Виктор Владимирович Сумский, директор Центра АСЕАН МГИМО МИД
России**

Стенограмма заседания Международного клуба *Триалог*

6 июля 2016 г.

В.В. Сумский: Добрый день, уважаемые члены Международного клуба «Триалог», уважаемые сотрудники ПИР-Центра. Буквально несколько слов. Прежде всего слов признательности за такое хорошее представление, которое сделал Альберт. Когда 6 лет назад центр АСЕАН был только создан, первое письменное предложение о сотрудничестве, которое он получил, мы получили от ПИР-центра. Мне кажется, очень стоит сегодня вспомнить об этом, Прежде всего в присутствии Владимира Андреевича, за подписью которого пришло письмо. В этом смысле я чувствую себя, как говорится, среди своих. И рад сегодня поделиться с Вами теми соображениями, которые у меня есть.

Думаю, что тем событием, которое послужило непосредственным поводом к тому, чтобы мы сегодня обсуждали эту тему, является саммит России-АСЕАН, состоявшийся в Сочи около месяца тому назад. У этого события, я бы сказал, было солидное информационное сопровождение. Наш Центр тоже внёс свой вклад в это дело. И сейчас, да, ну и разумеется, довольно много было откликов за рубежом, в том числе в странах АСЕАН.

Наверное, сейчас, уже момент такой, когда надо, может быть, вспоминать не само событие, а разбираться в этих реакциях, искать наиболее интересные точки зрения, отклики, в которых нащупаны какие-то болевые точки, проблематика отношений Россия-АСЕАН и того, что мы называем «Поворотом России на Восток».

Моё сегодняшнее выступление сведётся главным образом к тому, что я познакомлю Вас с одним из откликов, который мне кажется достаточно содержательным, обозначу основные позиции автора и потом обозначу свои позиции относительно того, что же там было сказано.

В данном случае мой партнёр по диалогу – очень известная в Юго-Восточной Азии личность - посол по особым поручениям из Сингапура Белахари Каусикан. В прошлом – посол в России, кстати, сын первого посла Сингапура в России, и постоянный секретарь сингапурского МИД, и многолетний представитель Сингапура в ООН.

То, что особенно хотелось бы подчеркнуть в связи с этой личностью и её опытом – это то, что за плечами у посла Белахари не только колоссальные практические знания в области дипломатии, но и такие живые и постоянно обновляемые представления о России, поскольку он регулярно здесь бывает до сих пор, которыми может похвалиться далеко не любой политик и дипломат в

Юго-Восточной Азии. Вообще говоря, ещё одна речь, которую о нём надо сказать – это то, что это человек, регулярно и живо откликающийся на текущие политические события в прессе своей страны, в прессе региона. И вот одно из таких выступлений, в данном случае посвящённое саммиту Россия–АСЕАН и будущему этих отношений, я хотел бы Вам сегодня рассказать.

Статья, о которой пойдёт речь, называется «How to be strategic?». На русский язык можно перевести по-разному: «Как встать на стратегическую позицию?», «Как быть стратегическим партнёрами?», «Как смотреть на вещи стратегически?» и так далее.

Опорные точки, позиции этого выступления: Первое. Самое главное, что надо помнить о саммите Россия-АСЕАН в Сочи – это то, что он состоялся вообще. Для людей, знакомых с материей отношений Россия-АСЕАН, не секрет, что пришлось достаточно долго уговаривать глав правительств и государств АСЕАН прибыть на саммит именно в Сочи. И в общем это не рядовое событие в истории АСЕАН. Это всего лишь второй, если можно так выразиться выездной саммит АСЕАН с партнёрами по диалогу. Причём предыдущий состоялся в феврале текущего года в Вашингтоне с президентом США Бараком Обамой. И американцы решили провести его в тот момент, когда уже стало ясно в августе прошлого года, что АСЕАН согласился с Россией провести саммит в Сочи.

Согласившись на этот саммит, пишет посол Белахари, АСЕАН признала, что Россия является геополитической реальностью, которую невозможно игнорировать.

И как следствие, Ассоциация фактически продемонстрировала, что будет строить отношения с Москвой, не оглядываясь на отношения России с Западными партнёрами, принимая во внимание свои собственные интересы.

Но в чём же эти интересы? - спрашивает автор. В чём интересы АСЕАН в связи с Россией. И в чём интересы России в связи с АСЕАН. И показывает, что внятного ответа на этот вопрос себе ни Россия, ни страны АСЕАН не дают.

Причём речь не идёт о том, что нет каких-то реальных признаков взаимной заинтересованности, нет каких-то планов развития отношений, дорожных карт, нет большого списка проектов, которые страны хотели бы вместе реализовывать. Проблема в том, что всё это есть, но нет общей концептуальной рамки, которая фокусировала бы все эти проекты на какой-то значительной цели и в общем придавала бы всем этим намерениями стратегическую перспективу.

Мы знаем, что в современном мире разные страны часто с довольно лёгким сердцем определяют свои отношения как стратегическое партнёрство. Автор обращает внимание на то, что в документах саммита ни Россия, ни АСЕАН не определяют свои отношения подобным образом. Они лишь подчёркивают своё намерение двигаться в этом направлении.

Внутри АСЕАН, пишет автор, нет ни консенсуса в отношении того, какой должна быть роль России в Юго-Восточной Азии, ни даже желания того, чтобы такой консенсус возник. Москва в целом, по мнению Каусикана, продолжает самоопределяться прежде всего применительно к Европе и Западу, а не Азии. Отношения с Азией строятся, исходя из тактических, а не стратегических соображений.

Исторически Россия, как правило, поворачивалась на Восток, когда что-то не ладилось на Западе или для того чтобы заново пробудить интерес Европы к себе. И эта модель внешнеполитического поведения, по мнению Каусикана, сохраняется до сих пор.

Поворот России на Восток под влиянием ухудшившихся отношений с Западом из-за Украины – последний пример этого рода, пишет Каусикан. Причём происходит это, по его мнению, без всестороннего комплексного учёта российских интересов и непосредственным результатом этого может оказаться подчинённая роль России в регионе по отношению к Китаю и отсутствие у неё активной региональной позиции.

Признаки чего-то подобного начинают проступать в связи с позицией России, как она была артикулирована в последние месяцы по Южно-Китайскому морю. Напомню, что министры иностранных дел России и Китая Лавров и Ван И делали совместное заявление в том смысле, что они возражают против интернационализации территориальных споров в Южно-Китайском море.

Но, правда, отмечает автор, ситуация пока не выглядит необратимой. Но в целом делает вывод, что нынешнее состояние отношений Россия-АСЕАН его не устраивает и не устраивает, прежде всего, потому, что у этих отношений есть реальный большой стратегический потенциал. Очень огорчительно, если они его не реализуют.

Ну и далее следует три конкретных предложения. Этим, собственно, и завершается статья. Предложений, что надо было бы сделать, чтобы изменить ситуацию.

Во-первых, АСЕАН должна прийти к единому мнению о том, какой она хотела бы видеть роль России в Юго-Восточной Азии. Каусикан подчёркивает, что сделать это будет нетрудно, потому что сами страны АСЕН всегда сами старались и стараются сохранять разумную степень автономии в условиях конкуренции между великими державами.

Активная региональная политика России, по его мнению, приведёт к тому, что пространство манёвра у АСЕАН расширится. И это особенно важно потому, замечает он, что рано или поздно Китай и США найдут Юго-Восточной Азии новый *modus vivendi*.

Во-вторых, России надо понять, что её интересы на западном направлении её внешней политики не тождественны её интересам на Востоке. Да, у Москвы есть законные причины, чтобы быть недовольной экспансией западных союзников в Европе и отношением к ней как к побеждённой державе,

интересами которой можно пренебрегать. И, собственно говоря, ярчайший пример такой политики – это Украина. Тут хочу сделать небольшое отступление. Два года назад в Куала-Лумпуре на ежегодном азиатско-тихоокеанском круглом столе, наряду с диалогом Шангри-Ла – это одна из ведущих экспертных площадок в Юго-Восточной Азии, Белахари Каусикан выступил, я бы сказал, с беспрецедентным анализом того, что происходило на тот момент на Украине. В отличие от массы других азиатов, он там был, его водили на Майдан, он всё это видел своими глазами. И это был самый пророссийский анализ этой ситуации, который мне доводилось слышать из уст азиата. То есть и эту ситуацию он понимает прекрасно.

Ну вот с пониманием всего этого он далее замечает, что Россия не должна позволить своему раздражению и гневу в отношении того, чем занимается Запад, определять её политику в Азии; в Азии западные союзы и выстраиваемы Западом структуры безопасности не направлены против Москвы, если только она, конечно, сама не будет способствовать их развороту против себя, заняв такую позицию по территориальным спорам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, которые, как бы это сказать, будут «неправильными».

Если первая и вторая рекомендации Каусикана обращены одна к АСЕАН, третья к России, то третья – уже к США и западу в целом. Смысл её в том, что Западу тоже нужно изменить свою позицию по отношению к России таким образом, чтобы почить её не смешивать подходы к европейской и азиатской политике, то есть разделить их. Он отмечает, что система санкций в нынешнем виде прямо толкает Россию в объятия Китая. Ссылаясь на последний диалог Шангри-Ла и на выступление на нём Эштона Картера, министра обороны США, Каусикан замечает, что Картер обмолвился, что США хотели ли бы, чтобы Россия вносила какой-то свой вклад в азиатскую безопасность. Не совсем понятно, что имел в виду Картер, но Москве, по мнению Каусикана, стоило бы протестировать Вашингтон в этом смысле, заняв более определённую позицию по проблемам Южно-Китайскому морю, а конкретно – поддержав их решение на основе Конвенции по морскому праву, когда свой вердикт по иску Филиппин вынесет Международный трибунал.

Вот таковы рекомендации, можно сказать, одного из самых заметных экспертов по российской проблематике, какие только есть на зоне АСЕАН.

Теперь, когда я коротко познакомил Вас с его основными тезисами, мне хотелось бы пройтись по ним в порядке комментариев. В обратном порядке, начать с конца, начать с конкретных рекомендаций, которые он даёт. Даёт с пониманием того, что вот это и есть шаги в направлении совместной работы над стратегией отношений Россия-АСЕАН.

Начнём с рекомендации заявить свою позицию по Южно-Китайскому морю в том стиле, в котором советует Каусикан. С моей точки зрения, это прямая рекомендация испортить отношения и с Китаем и с АСЕАН. Но, к счастью, рекомендация нереалистичная в том плане, что я с трудом себе представляю, чтобы после всего того, что сделано в последнее время для доведения

Российско-Китайских отношений до того уровня, до которого они доведены, мы среагировали бы на решение суда в Гааге так, как он рекомендует.

Не менее существенно, что в данном случае было бы ошибкой принять голос Каусикана как, скажем, не только его личное мнение и Сингапура или голос АСЕАН. Это не голос АСЕАН. Вот примерно в то же время, когда был опубликован его комментарий, с заявлением по поводу предстоящего вердикта суда в Гааге выступил такой друг России как премьер Камбоджи Хун Сен.

Мнение Хун Сена сводится к тому, что никто не должен никоим образом комментировать решение третейского суда и давать какие-либо свои оценки, вообще пытаться влиять на исход сора со стороны. Фактически, это призыв к АСЕАН не занимать единой позиции по этому вопросу, потому что если будет сделана попытка её занять, то ни к чему хорошему она не приведёт, т.е. к желаемому результату, к единству АСЕАН, а приведёт только к акцентировке различий во мнениях по этому вопросу.

Ну мы помним, что эта рекомендация даётся в связи с предложением прощупать настроение американцев и посмотреть, не последует ли за такой сменой российской позиции какое-то смягчение США в отношении России на восточном направлении. Мне кажется, что это абсолютно нежизненно. Позиция Запада, США, Европы в отношении России носит поистине глобальный характер. Это давление по всем направлениям. Представители госдепартамента и других правительственных кругов в США неоднократно выезжали в Юго-Восточную, Восточную Азию за последние полтора года с призывами соответствующих стран присоединиться к программе изоляции России.

Та информационная антироссийская кампания, которая развёрнута в западных СМИ, проводится и через крупные СМИ в Азии; и всё это уже до такой степени поставлено на рельсы, что развернуть это назад невозможно никакими мерами вроде, допустим, смены позиции по Южно-Китайскому морю. Равным образом представляется удивительной рекомендация, обращённая к Москве. Он призывает не позволять раздражению против запада влиять на азиатскую политику и разделить подходы к безопасности в Европе и безопасности в Азии.

Представим себе на минуту, что эта позиция каким-то удивительным образом сработала, в то время как на Западном направлении мы продолжаем состоять с Европой в тех отношениях, которых состоим сейчас, на азиатском направлении у нас что-то налаживается с США и их союзниками. На мой взгляд, если бы такое произошло, это был бы первый шаг к расколу России.

И наконец к рекомендации, касающейся позиции самой АСЕАН. Касающейся того, что АСЕАН было бы нетрудно достичь консенсуса по поводу того, какой должна быть региональная роль России. Тут я вынужден сказать, что АСЕАН вообще в последнее время проблемы по поводу консенсуса в отношении чего бы то ни было. Это и вопрос об отношении к США, Китаю и к тем отношениям, которое складываются между этими двумя странами. Это и вопрос, касающийся Транстихоокеанского партнёрства, в отношении споров в Южно-Китайском море. По отношению ко всем этим ключевым для АСЕАН вопросам проблема

достижения консенсуса стоит очень остро, и возможности его достижения в какой-то устойчивой форме сейчас отсутствуют.

Сказав это, я не имею в виду сказать, что у России и АСЕАН не может быть общих стратегических интересов. Но об этом я хотел бы поговорить чуть подробнее уже в завершающей части своих комментариев. А сейчас я бы хотел поговорить о наличии и не наличии у России азиатской стратегии и стратегии в отношении АСЕАН.

Начнём мы этот раздел моего комментария с того, что я напому вам, что Вы, наверное, помните и без меня. В декабре прошлого года президент России в своём ежегодном послании Федеральному собранию предложил учредить диалог по вопросам торгово-экономическое взаимодействие между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Но, конечно, в тот момент многие наблюдатели и комментаторы были настолько поглощены тем, что происходило в Сирии и на Украине, что какая-то часть из них просто пропустила это мимо ушей. Но какая-то другая часть отнеслась к этому как к экспромту. Но действительно ли это был экспромт? Давайте всё-таки вспомним, что к тому моменту [неразборчиво] укреплением международно-правовой базы ЕАЭС и его расширением за счёт Армении и Киргизии. Москва и Пекин к тому времени уже достигли принципиальной договорённостей, чтобы работать над сближением транспортных коридоров, идущих через территорию Российской Федерации и китайских новых шёлковых путей. Уже существует соглашение о зоне свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС и уже высказывались предположения, что оно может послужить прологом к подписанию будущего соглашения между Россией и АСЕАН.

Активизировался диалог на уровне генеральных секретарей между ШОС и АСЕАН, тоже в 2015 году. И опять же, в 2015 году было согласовано решение об одновременном приёме в ШОС Индии и Пакистана, что обещало придать этой организации не просто общеевразийский масштаб, но и, фактически, укрепить её связи с АСЕАН. Напому, что сейчас, после того, как приём Индии и Пакистан начался, в составе ШОС четыре диалоговых партнёра АСЕАН по диалогу: Россия, Индия, Китай и Пакистан. То есть, если посмотреть таким образом, то это предложение не выглядит как [неразборчиво], упавшее откуда-то с неба, возникшее в результате внезапного озарения.

Мы знаем, что в мае текущего года в Сочи эта идея обсуждалась нашим президентом с лидерами стран-участниц АСЕАН, и в том числе с особенным вниманием проговаривалась перспектива создания зоны свободной торговли ЕАЭС-АСЕАН. Но не прошло двух недель после сочинского саммита, как к этой же самой проблематике обратился Высший евразийский экономический совет, а далее, уже по итогам этого совещания, с идеей интеграции, инициирования интеграции большой Евразии и расширения внешнего контура евразийской интеграции выступил Владимир Путин на Петербургском Экономическом форуме.

Как всё это понимать? И чего можно ожидать в ближайшем будущем от той линии, которая намечена в конце 2015 – первой половине 2016 года?

Необходимо прежде всего отметить, что опыт членства России во всевозможных международных структурах и региональных объединениях, созданных задолго до её вступления и на основе правил, которые разрабатывались без неё, оказался далеко не во всём позитивным. При всей возможной полезности участия в этих структурах, России нужны собственные региональные и трансрегиональные интеграционные проекты, такие, которые функционировали бы с учётом её национальных интересов и экономических приоритетов. Мне кажется, отражением именно этого осознания является предложение о тройственном сотрудничестве ЕАЭС, ШОС, АСЕАН. Для России диверсификация и наращивание связей с соседями на постсоветском пространстве – очевидная потребность, условие нормального социально-экономического развития, однако на Западе отказываются это признавать. На Востоке предубеждений подобного рода, как мы убеждаемся, нет. К тому же, там же, на Востоке, наблюдается экономический подъём, побуждающий относиться к динамично развивающимся азиатским странам как к очень привлекательным партнёрам.

Понятно, что успех в совместной работе с ними необходим, помимо прочего, для переоценки реальных возможностей России на европейском направлении и для возобновления полноценного сотрудничества с Европой. Идея расширения контуров евразийской интеграции весьма своевременна не только в экономическом, но и геополитическом плане. Эта концепция позволяет конструктивно ответить на вызов, заложенный в двух американских партнёрствах: трансатлантическом и транстихоокеанском. Как, я надеюсь, мы все понимаем, общее для обоих партнёрств – стремление к выдавливанию России и Китая из глобального взаимодействия, если Москва и Пекин не готовы играть на этом глобальном поле по правилам США.

Возвращаясь к вопросу о том, есть у России Восточная стратегия или её нет. Дискуссии на эту тему идут у нас бесконечно, как минимум 15-20 лет. И создаётся впечатление, что многим кажется, что этой стратегии нет и сейчас. При этом стратегию понимают довольно смешно, просто как бумагу, в которой всё разложено по полочкам, что, где, когда и как надо делать. При этом имеется в виду, что она написана как бы на все времена.

Мне кажется очевидным, что стратегия прежде всего – это, конечно, не бумага, а это политическая и экономическая практика. Это дела, которые часто бывают по-настоящему значимее слов, и они последовательность дел. Если понимать хоть стратегическое состоятельность, способность наметить не близкую, но реалистичную цель и последовательно двигаться к ней, своевременно уточняя смысл текущих задач, то установка на расширение контуров евразийской интеграции и воплощение, и установка в делах – именно то, чего России не хватало.

Ну вот сказав всё это, я хотел бы вернуть к теме, которую посол Белахари обозначил в самом начале своей статьи. Значение того, что саммит Россия-АСЕАН состоялся вообще. Как вы помните, он говорит нам о том, что факт проведения этого саммита отражает признание России со стороны АСЕАН

непреложной геополитической реальностью. Но мне кажется не только это. Поясню свою мысль вот каким образом. Всё-таки прямых следов этого нет в статье Белахари. Но всё-таки в ней присутствует понимание того, что наступила какая-то новая историческая эпоха 2-3-4 года назад.

Это наступлению предшествовало примерно лет 20 периода после окончания холодной войны, в течение которого мир двигался к состоянию многополярности поэтапно, эволюционно. И вот этот переход был настоящим золотым веком АСЕАН в том смысле, что в тот момент, когда соперничество великих держав было до некоторой степени ослаблено, играть на их противоречиях было как-то проще, чем сейчас, когда это соперничество начинает обостряться. И именно в этот период оказывался возможным такой феномен, который называется «центральной ролью АСЕАН» в восточно-азиатских делах.

Но центральность АСЕАН конкретно выразилась в том, что, не будучи отнюдь самым мощным геополитическим или геоэкономическим игроком, и в этом смысле не представляя угрозы никому в ЮВО, АСЕАН смогла претендовать на роль честного брокера, вокруг которого начинает особая зарождающаяся система азиатской безопасности, причём система инклюзивная.

Но результатом стало рождение таких многосторонних диалоговых платформ как АСЕАНовский форум по региональной безопасности, АРФ, как Восточно-азиатский саммит, как совещание министров иностранных дел и министров обороны стран-участниц АСЕАН с диалоговыми партнёрами. Что происходит сейчас с центральностью АСЕАН? Возьмём, например, ситуацию в Южно-Китайском море. Продолжилась тенденция к размежеванию между странами АСЕАН в вопросе о том, как этот конфликт должен быть урегулирован. Можно вести речь о возникновении разделительных линий. Происходит нарушение единства АСЕАН в связи с вопросом, который является для них очень важным. Отсутствие внутреннего единства в АСЕАН, безусловно, не предпосылка к успешному выполнению центральной роли. Но, если мы представим себе, что АСЕАН объединяется вокруг одного понимания конкретно того, которое выражают США, того, как должны решаться проблемы Южно-Китайского моря, то ведь и это тоже – потеря центральности в том смысле, что АСЕАН перестаёт играть роль честного брокера и [неразборчиво] оказывается в хвосте у Соединённых Штатов.

В похожей ситуации в сфере экономики, в вопросе об отношении к различным региональным объединениям, например, Транстихоокеанское партнёрство. Вот, четыре страны вступили в Транстихоокеанское партнёрство. Есть вероятность, что ещё две или три присоединятся, но все не присоединятся никогда. Это опять проблема ослабления центральной роли за счёт ослабления единства.

Всё-таки если вспомнить, что уже, может быть, в течение одного или двух десятилетий Азия живёт и ожидает, что настанет её век, Век Азии. Вот всё это является ли предвестием наступления такого века? Или может наступить что-то совершенно другое. Мне кажется, я не хочу настаивать на каком-то конкретном ответе, но одно то, что какое-то время ответ на это вопрос, утвердительный,

казался самым собой разумеющимся – такой век непременно наступит, а сейчас это выглядит уже несколько иначе. Это говорит о многом.

Задавать эти вопросы и обсуждать их напрямую не хочется, хочется, чтобы продолжилось ещё немного то замечательное время, которое АСЕАН переживал во время эволюционного движения к многополярности.

Мне кажется, сейчас в недостаток АСЕАН превращается то, что всегда считалось и, наверное, правильно считалось её достоинством - умение этих стран адаптироваться к существующим обстоятельствам, вписаться в них так, чтобы это прежде всего экономически выгодно.

Вот выйти из этого модуса поведения, привычного, доказанного, АСЕАН пока не может. Но при этом, надо сказать, понимает, что дальше без всяких корректив двигаться невозможно. Вот сравним это, если можно так выразиться, стратегическое настроение со стратегическим настроением нынешней России. Мы в течение этих самых 20 с небольшим лет, на которые пришёлся золотой век АСЕАН, тоже очень активно пытались вписаться и не всегда безуспешно, но в конечном итоге пришли к тому, к чему пришли сейчас, и, я думаю, не по своей вине.

Да, это не было выбором России, но, когда обстоятельства сложились так, как они сложились, Россия сделала то, чего в современном мире, на мой взгляд, не может пока сделать никто, включая и Китай, у которого достаточно сильны вот эти [неразборчиво] приспособленца. Вот в ситуации, которая потребовала неуступчивости, Россия смогла её проявить и проявляет. И в этом смысле она оказывается в той новой фазе борьбы за многополярность, которая оказывается гораздо более тревожной, гораздо более стратегически непредсказуемой, оказывается адекватной обстоятельствам.

И мне кажется, хотел того или нет, Белахари Каусикан, но, когда, он говорит, страны АСЕАН признают Россию как непреложную геополитическую реальность, они признают именно это – способность России быть адекватной в новой исторической ситуации. И вот тут, мне кажется, мы можем зафиксировать именно то, что на самом деле является общим стратегическим интересом АСЕАН и России. Ну не считать же в самом деле, что стратегия АСЕАН начинается и кончается тем, чтобы сталкивать лбами великие державы, чтобы где-то пока они отвлекаются друг на друга, иметь относительную свободу в решении своих региональных задач. Всё-таки, наверное, большой исторический интерес АСЕАН, организации, накопившей много позитивных с точки зрения практики регионального сотрудничества, заключается в том, чтобы войти в качестве полноправного участника в многополярный мир, когда он более-менее нормальным образом консолидируется. И здесь наши стратегические интересы с АСЕАН действительно совпадают.

Я понимаю, что я очень долго уже говорю, поэтому я здесь хотел бы остановиться и, если есть возможность каких-то вопросов, если время нам позволяет их задавать и отвечать на них.

Вопрос: Большое спасибо, Виктор Владимирович за Ваш комплексный доклад! И мы приступаем к вопросам, конечно, у нас есть для этого время. Я задам вопрос первым. Вопрос тогда будет такой. Если Вы говорите, что Каусикан пишет, что нет единства и Золотой век АСЕАН на исходе, есть такой риск. И не является ли для нас сейчас неким отставанием делать сейчас такую ставку на АСЕАН? Саммит Россия-АСЕАН, в том числе по военным, по линии военных ведомств с АСЕАН подразумевают, что мы всё-таки работаем с одним игроком, получается, что игрока-то и нет и мы на стадии распада, дезинтеграции, а мы вот начинаем с ним активно сотрудничать. Что-то, может, здесь, может быть, мы на шаг позади процесса? Вот такое противоречие я заметил.

Виктор Сумский: Ну, знаете, давайте ещё раз вернёмся вот к вопросу о том, что саммит всё-таки состоялся. Ведь сколько было сомнений в том, что он пройдёт в том виде, в котором он прошёл, и что он пройдёт на территории России, в Сочи, и так далее и так далее, а это всё-таки случилось. И ведь случилось в обстановке, когда США привели Европу тоже к [неразборчиво] пользуются любым поводом для того, чтобы ещё раз напомнить, что Россия изолирована, что у неё всё не так. И так далее и так далее. Всё-таки явление десяти глав государств и правительств Юго-Восточной Азии одновременно в Сочи это наглядно опровергает и это говорит о том, что в этом вопросе страны АСЕАН как раз оказались едины. Насчёт военного сотрудничества и насчёт вот этой вот конференции, которую проводило наше министерство обороны в апреле, на которую приехали в качестве гостей или главы оборонных ведомств или их заместители из всех 10 стран АСЕАН. Видите, трудно было не заметить в ходе этой конференции тот колоссальный интерес, который был проявлен например к российской операции в Сирии, к новым российским технологическим возможностям, которые были продемонстрированы в ходе этой операции, к тому сочетанию, я бы сказал, стратегической прозорливости, технологической вооружённости и политической воли, которыми характеризуются эта операция, единственная успешная антитеррористическая операция в мире в момент, когда угроза терроризма поднимается везде, включая Юго-Восточную Азию.

Вообще произвело определённое впечатление и то, что, мы знаем, что в странах АСЕАН есть страны, которые либо являются формальными военно-политическими партнёрами США, либо их де-факто тесными партнёрами - приехали все. Никто из них не пропустил этого мероприятия. А вообще, надо сказать, что вот из этих многосторонних диалоговых площадок, которые созданы с АСЕАН в качестве субъекта, который определяет их повестку дня – АРФ, Восточноазиатский форум, совещание министров обороны. Мне кажется, именно совещание министров обороны сейчас начинает приобретать большее значение в силу как раз, в силу той стратегической неопределённости, которая начинает всё более определённо проступать в регионе. И тут у России появляются такие возможности диалога и сотрудничества с АСЕАН, которых не было раньше. Просто нужно исходить из того, что в какие-то моменты одни треки являются для нас более предпочтительными и полезными, в какие-то – другие.

Вопрос: Виктор Владимирович, спасибо Вам, за такое интересное концептуальное выступление, которое, как мне кажется, заставляет задуматься, хочется узнать какие-то факты. И спасибо Вам за тёплые слова, которые Вы сказали в начале в адрес ПИР-Центра. Действительно, мы с Вами не так много совместных провели проектов, мероприятий, которые могли и которые хотелось бы, но каждое из них вспоминается как яркое, серьёзное событие, серьёзный практически успешный по вопросам безопасности по линии Россия-АСЕАН.

У меня к Вам два вопроса. Первый вопрос касается, собственно, того направления, по которому мы с вами сотрудничали очень хорошо, а именно вопросам взаимоотношений России и Мьянмы в более широком стратегическом контексте, но для тех в аудитории, кто, может быть, этого не знает, мы начали разговор [неразборчиво] достаточно давно, ещё до тех процессов демократизации, которые в Мьянме начались.

Вот сейчас у Мьянмы очень высокая внутривнутриполитическая динамика, одновременно Мьянма, мне кажется, может служить лакмусовой бумажкой, пусть не стратегических, но, как минимум, тактических успехов великих держав во всём регионе Юго-Восточной Азии – России, Китая, США. Вот как в этом контексте можно оценить сейчас позицию России? Мы одерживаем как минимум тактические успехи или наоборот – терпим здесь тактическое поражение? Если Вы затронете стратегическую часть – это будет ещё лучше.

Второй вопрос связан, конечно, со всех нас интересующим вопросом по Южно-Китайскому морю. Мой взгляд здесь заключается в том, что как стратегический игрок Россия вряд ли должна класть все яйца в одну корзину и как стратегический игрок должна уметь играть сразу на нескольких досках. Это, конечно желаемое [неразборчиво] мышление, которое мы не всегда можем воплотить в жизнь, но когда я смотрю на конкретную динамику в Южно-Китайском море, я обращаю внимание на давнишнего союзника, партнёра России, а именно – Вьетнам. Конечно, Вы вспомнили конференцию министров обороны, которая в этом здании как раз проходила с участием министра обороны Китая и министра обороны Вьетнама.

И, в отличие от Китая, Вьетнамцы во всех этих конференциях принимают участие на уровне министра. Как вы думаете, может быть России стоит использовать это традиционное, уже сложившееся партнёрство с Вьетнамом, взаимопонимание [неразборчиво] АСЕАН и наращивать это партнёрство в том числе и военно-политической области. Как одна из идей, которая здесь приходит голову – это оснащение вооружённых сил Вьетнама ракетами «БраМос», совместным продуктом России и Индии. Это имело бы практическое военное и, возможно, интересные геополитические коннотации. Но это именно не утверждение, это вопрос.

Виктор Сумский: Вы задали вопросы, по поводу которых, каждого из них, мы могли бы провести отдельное заседание. Но поэтому постараюсь ответить коротко и на тот и на другой вопрос. По поводу Мьянмы. Я думаю, конечно, в связи с тем поворотом, который сейчас происходит в Мьянме, больших оснований говорить о наших успехах там нет. Вот. Но можно, во всяком случае,

сказать вот что, что в предшествующий период наших отношений Россия сделала одну очень важную вещь в Мьянме, фактически воспитала новое поколение научно-технической интеллигенции.

Несколько тысяч молодых бирманцев получили в России образование за последние 10-15 лет по математическим специальностям, в области физико-технических наук, компьютерных программ, «IT» и так далее. И мне кажется, что сейчас нам нужно думать не столько о том, на какие поезда в Мьянме мы опоздали и чего мы не успели, а о том, как теми активами, которые у нас есть, нам реально воспользоваться.

Ну вот центра АСЕАН несколько раз проводил мероприятия под названием молодёжные саммиты Россия-АСЕАН, и мне довелось пообщаться со студентами из Мьянмы, которые учатся в России. Я хочу сказать, что видно, что они отбирались специально о для этих поездок, что это есть способные и сообразительные молодые люди. И по моим наблюдениям, никто лучше них не овладел русским языком среди студентов из этих стран.

Но не хочу вдаваться совсем уже в какие-то частности, но приведу вам пример. Иногда неожиданные вещи можно услышать от этих людей. Скажем, у нас был фотоконкурс «Россия глазами студентов из стран –участниц АСЕАН». Победил молодой студент из Мьянмы, студент Бауманского университета, который представил на конкурс свою собственную фотографию. Он сидит на Красной площади, на брусчатке. Получил, как я понимаю, не за фотографию, а за подпись: «Пришёл на Красную площадь и почувствовал себя защищённым Кремлём».

Говоря о более крупных и серьёзных вещах я сказал бы вот что: вообще история трансформации Мьянмы далеко не закончена – она только начинается. Ощущение такое, что, может быть, реформаторы, которые взялись за эту перестройку страны сделали в какой-то момент те же ошибки, которые были допущены у нас в конце 1980-х годов – слишком увлеклись ускоренной политической трансформацией. Мы фактически ещё не видели в работе новую политическую систему Мьянмы. Мы ещё не понимаем до конца, что из себя представляет как политический лидер Аун Сан Су Чжи, которая хотя и не избралась на пост президента, но реально является доминирующей политической фигурой.

Мы ещё не знаем, насколько глубоко отступление от реальной политической роли армии Мьянмы. Мы ещё не знаем, каковы будут последствия всего этого для Мьянмы как для единой страны. И мы ещё не знаем до конца, как это новая или обновляющаяся Мьянма самоопределится по отношению к таким крупным [неразборчиво] внешнеполитическим партнёрам, как США, Китай и Индия. Вообще говоря, мне кажется, если у ПИР-Центра есть интерес, то самое время повторить, сделать часть вторую нашего семинара по Мьянме с учётом всего того, что случилось после 2011 года и тех тенденций, которые мы ощущаем сейчас.

По поводу Южно-Китайского моря. Я, конечно, согласен, как, наверное, согласится любой другой, но, скажем так, информированный наблюдатель, интересующийся этой ситуацией, что России с одной стороны нет необходимости проявлять там какую-то гиперреактивность, но в то же время не надо, как не надо вообще в политике, никогда складывать все яйца в одну корзину, тем более что здесь у нас возникла серьёзная проблема позиционирования себя по отношению к странам, отношения с которыми для нас в нашей азиатской политике исключительно важны, к Вьетнаму и Китаю. Но я бы, скажем так, любого аналитика я бы предостерег от слишком такого трепетного и эмоционального прочтения того, что пишут на эту тему журналисты на злобу дня и так далее. Но вот только сейчас прошли некоторые комментарии, связанные с тем, что США отменили эмбарго на поставку смертоносного оружия Вьетнаму. Каких только предположений не начали строить по поводу того, что из этого из всего может получиться. Вместе с тем никого не интересуют, например, такие эпизоды, что в прошлом году США, которые сейчас вот эти меры приняли, делали Вьетнаму представление по поводу того, что Вьетнам позволяет дозаправку в воздухе из Камрани наших самолётов, которые патрулируют, как вы думаете, какой регион? - [неразборчиво] То есть сотрудничество с США развивается, но параллельно не прекращается и всё то, что было у нас с Вьетнамом, мы продолжим заниматься модернизацией базы в Камрани и используем её именно как пункт материально-технического обеспечения, т.е. как пункт, в который наши корабли могут заходить, наши воздушные суда, для пополнения запасов горючего, продовольствия, отдыха экипажей и так далее. Мне кажется, несколько раз, как-то обсуждалось между нашим Центром и вьетнамскими и китайскими партнёрами эта идея, пока она не нашла какого-то конкретного воплощения, что неплохо было бы нам на академическом уровне запустить тройственный диалог Китай-Вьетнам-Россия. Было бы о чём поговорить. Я бы сказал, что в современной ситуации и Китаю и Вьетнаму было бы неплохо напомнить, какими тяжёлыми последствиями для судеб того, что называлось мировым социализмом обернулся китайско-советский развал. Если сейчас выйдет на какой-то новый градус противостояние Китая и Вьетнама – это может иметь внутривосточные последствия для обеих этих стран. И мы видим, как сейчас начинают одни за другим происходить события, которые во сне не могли никому присниться. Действительно, ситуации неопределённости становятся повсеместными, и мне кажется, такие напоминания не были бы лишними.

Я очень коротко добавлю ещё одну вещь, что ещё можно было бы порекомендовать в плане упрочнения наших отношений с Вьетнамом - это больше внимания обращать на привлечение к обучению в наших военных учебных заведениях вьетнамских офицеров [неразборчиво].

Вопрос: Я недавно вернулся из Бишкека, и мои собеседники там задавали мне вопрос: «За последние полгода мы узнали, что Турция финансирует террористов, поставляет оружие ИГИЛовцам, лечит боевиков на своей территории, обучает боевиков. Прибегает к торговле ИГИЛовской нефтью и так далее. Наши российские партнёры говорили нам «не дружите с Эрдоганом».

Эрдоган произнёс одно ключевое слово «извините», и российская политика поменялась на противоположную». «Что делать нам», - спрашивали меня киргизские товарищи. В этой связи, если проконстатировать, можно обратить, что однажды наши добрые отношения с ЕС и США снова восстановятся, взаимно проявляемые политические и экономические точки будут сняты. Как убедить наших азиатских партнёров в том, что проазиатский нынешний российский вектор не будет жертвой или подарком, скажем, новому российскому-европейскому ренессансу?

Виктор Сумский: Ну я сказал бы прежде всего, что тут словами не поможешь. Тут прежде всего убеждать прежде всего надо делами. Что, мне кажется, что нынешний поворот России на Восток – не конъюнктурная вещь. Кстати сказать, когда говорят о повороте на Восток, я обычно говорю, что он начался с похода Ермака за Урал. И это вещь, которая измеряется даже не столетиями. И понимаете, надо наконец начать гордиться теми достижениями, которые у нас есть на восточном направлении. Понимаете, когда начинают тебе монотонно повторять, что у нас за Уралом демографический вакуум. Те, кто бывал в Красноярске, во Владивостоке, в Новокузнецке, в Омске. Они что, чувствуют себя в демографическом вакууме? И вообще – у нас же есть такое колоссальное наследие, доставшееся нам и от эпохи самодержавия и от советской эпохи как полоса городов-мегаполисов в Сибири, благодаря которой мы в значительной степени удерживали и удерживаем эту территорию за собой. Там масса вещей есть, ссылаясь на которые можно сказать, что движение России на Восток идёт, если смотреть на большом историческом отрезке, неуклонно. Просто масштабы проблем такие, что что не может быть преодолено, особенно, конечно, что наши демографические ресурсы не беспредельны – как-то очень быстро. Но, тем не менее, что меня...

Так вот я подчеркнул бы, что всё-таки, что началом начал нашего поворота на Восток сегодня является в сторону зауральских территорий России – в Сибирь и Дальний Восток. И ведь невозможно отрицать, что тут-то и реализованы за последние годы мегапроекты. Ну хоть два модно назвать – нефтепровод Восточная Сибирь–Тихий океан, ведь построен в течение 6 лет и на очень сложной местности. С колоссальными трудностями связывалась его прокладка. Общая протяжённость этой системы – 5 тысяч километров. Это половина длины Транссиба. Ну второй пример, если хотите - это космодром Восточный. И мне кажется, вот таким проектам, они ясно указывают на то, что это не конъюнктура, что это долгосрочная цель, и что наше движение навстречу восточноазиатским партнёрам, оно органически связано с это домашней стратегией и с необходимостью работать вместе с нашими азиатскими соседями на этой площадке. Вот. И тут я буду скорее говорить лично от себя, не от всего российского народа. Знаете, я за всю предшествующую свою жизнь не представлял, что можно получить такую инъекцию антизападнических настроений, какую я получил в поседение 4 года, просто читая из дня в день, а потом уже престав, «New York Times» и все другие подобные газеты. Вы знаете, ну что тут модно сказать? Когда тебе целенаправленно, ежедневно, системно прививают ненависть, транслируют на тебя свою ненависть, скажем так, мне

кажется, возникает совершенно естественное обратное чувство. Я думаю, что ну вот, я в каком-то смысле восхищаюсь президентом Путиным как человеком, на которого очень много направлено вот этих, знаете, потоков личной демонизации и других подобных вещей и который ухитряется в этой ситуации сохранить эмоциональное равновесие и говорить: «Нет, государственно–политическая деятельность не может определяться эмоциями, за мной стоит 146 млн. россиян, у которых есть национальный интерес, общий, я и должен [неразборчиво] из этого». Вместе с тем, мне кажется, что вот сознательная часть нашего общества – она нелегко отнеслась к тому, что на нас накатило оттуда – ну вот, например, такой, скажем так, не антизападнически настроенный комментатор, как Леонид Радзиховский, в «Российской газете» написал позавчера, что он не предвидит, при том, что уже, вроде бы выдохлось в значительной степени то состояние конфронтации, которое было между Европой и Россией – сейчас не предвидит возврата назад, в точку, из которой вышли. И мне кажется этого не будет.

Вопрос: Спасибо за Ваш доклад! Некоторый комментарий. Азия с радостью воспринимает Россию как важного партнёра в регионе. Но я вынуждена согласиться с профессором, который видит потенциал в партнёрстве России с АСЕАН. Я хочу сказать, что Россия должна взглянуть на АСЕАН по-новому. Вы не можете рассматривать Азию в контексте противостояния с Западом и США, поскольку как бы тяжело это ни было, всё происходящее в регионе носит самостоятельный характер. В частности, Вьетнам бросает вызов претензиям КНР на острова в Южно-Китайском море не по указке США, в основе политики лежит национальный интерес. Из аналогичных предпосылок исходит и КНР, настаивая на том, что арбитраж не должен происходить. Не всё, что происходит в Азии связано с интересами США. Соединённые штаты являются важным партнёром, но они – не единственный актор. Мы строим связи со всем миром смотрим на всех как на возможных партнёров. Хотя мы имеем отношения с крупнейшим глобальным игроком, США, это не единственный фактор. Вы упомянули отсутствие консенсуса среди стран АСЕАН. У нас действуют экономические преференции в отношении определённых стран. Есть также региональное экономическое сотрудничество с 6 странами. В следующем году АСЕАН отметит 50-летие подписания Декларации АСЕАН. Да, у нас есть сложности по вопросу Южно-Китайского моря, но одновременно проводятся и консультации со многими странами. Что касается Соединённых Штатов, посмотрите, есть американские экономические санкции в отношении России, но эти санкции странами АСЕАН не поддерживаются. В том, что касается США, идёт самостоятельная политика.

Виктор Сумский: Если бы у меня не было ощущения, что АСЕАН заслуживает особого внимания со стороны Российской Федерации и что политика в отношении и АСЕАН должны глубоко продумываться и быть последовательной, я бы, наверное, и не занимался вопросами исследования АСЕАН в Центре АСЕАН, как я это делал в течение 6 лет. Я хочу подчеркнуть, что для России ценность АСЕАН именно в том, что те основы бдящей системы азиатской безопасности, которая создана при активнейшем участии АСЕАН, эти

платформы носят инклюзивный характер. И с точки зрения России, они как раз стоят на пути повтора в Азии, того варианта вытеснения России из региона, который случился в Европе, когда американский, ведомый американцами военно-политический блок был выдан за систему региональной безопасности. В Азии этого пока не происходит, несмотря на попытки США сделать то, что называется мультилатерализацией двусторонних американских альянсов. Нет, этого пока не случилось. И мне кажется, что заслуга АСЕАН в том, что это до сих пор не произошло – большая.

Ну вот теперь два слова по поводу реального влияния США в регионе, в том числе в связи с ситуацией в Южно-Китайском море. Вот то, что мы видим на поверхности – это простая вещь. Американцы нащупали эту болевую точку в регионе. Когда нужно поднять градус напряжённости в регионе – они на эту точку нажимают. Всё это делается, конечно, в духе исключительной заботы о мире в регионе, но заботы настолько энергичной, что она становится практически агрессивной и уже не отличима от разжигания конфликта иногда.

Но есть и более глубокий пласт в этой проблеме. И вот какой. Китай, вроде бы – страна с большим океанским побережьем, но если мы посмотрим на, допустим, северо-восточную часть этого побережья, то там мы увидим, что там выход Китая в океан практически заблокирован американскими базами в Японии и Южной Корее.

Вот эта смиренная рубашка была надета на Китай, как мы все помним, в 1949-1950-м году. Чем был Китай в 1949 году и чем он является сейчас? И как долго он ещё проявит желание терпеть эту усмирительную рубашку? Собственно говоря, то, что происходит в Южно-Китайском море, как раз и является сигналом того, что больше этого Китай терпеть не может. И он встаёт на позицию, когда он готов выходить в океан там, где это на данный момент невозможно. И конечно, с учётом того, что здесь он не сталкивается с таким противодействием, как на северо-востоке.

Тем временем, позиция США состоит в том, что, если они, нужно сохранить мир в регионе, то надо сохранить его посредством усиления американских альянсов союзников. В общем, всё здесь взаимосвязано. И я боюсь, что вот эти вот рефлекс и это желание продолжать двигаться фактически по треку холодной войны в Восточной Азии может не довести до добра. И на роль США при таком подходе не проявляется какая-то такая маниакальная озабоченность тем, что США везде, они и на самом деле очень много где. Мне кажется, свежий взгляд на проблему Южно-Китайского моря мог бы проявиться в том, чтобы наконец было бы попробовано то, единственный способ урегулирования этой проблемы, который до сих пор не был опробован на практике – двусторонние переговоры между странами, претендующими на эти острова.

Ну и, может быть, самое последнее, что я хотел бы сказать в ответ на Ваш вопрос, Ваше выступление. Точно так же, как России надо глубже, основательнее смотреть на АСЕАН и вырабатывать свежий взгляд, хотелось бы, чтобы и у вас в регионе вырабатывались свежие подходы к России, подходы более компетентные, потому что, увы, мой опыт общения с вашими экспертами,

исследовательскими центрами показывает, что в ЮВА людей, которые посвятили себя профессионально и познанию её такой, какой она является в действительности, можно по пальцам одной руки сосчитать.

Ну и чтобы вернуться к тому, с чего я начинал. Вы знаете, то, что статья такого просвещённого, эрудированного, в высшей степени профессионала высшего класса, как Белахари Каусикан, написана с позиции взгляда на Россию как на стратегического слепца. Меня поразило.

Вопрос: Спасибо большое! Спасибо большое клубу, Центру! Всегда приятно участвовать в таком конструктивном диалоге. Я хочу Вам сказать следующее. Вы говорили об отсутствии всегда консенсуса. Мне кажется, это скорее признак силы, а не слабости. Потому что именно здесь на первый план выходят равные суверенитеты, мы говорим, может быть не о лидерстве, а о различных элементах лидерства, об интеграции. Существуют различные интересы. Существует разнообразие. Это помогает нам добиться успеха. Да, с одной стороны тяжело добиться консенсуса, с другой – это замечательный фактор, который сдерживает напряжение.

И здесь нужно ещё сказать, что со стратегической точки зрения АСЕАН находится в хороших отношениях с Китаем, с Японией – было много инвестиций в Китай, в 1990-е годы, Япония инвестировала в страны АСЕАН. И это было задолго до того, как возникло чёткое видение этих взаимоотношений. Точно так же и здесь. Существуют, может быть, различные препятствия, препятствия для инвестиций, но тут должно расширяться что - отношения между людьми, между [неразборчиво] бизнесменами. И в таком случае возникнет спрос на то, чтобы политические деятели АСЕАН, России уже [неразборчиво] снижать эти барьеры, что требуется для развития такого лучшего видения ситуации в АСЕАН.

Виктор Сумский: Ну мы, наверное, уже приближаемся к концу нашего собеседования. Поэтому я воспользуюсь вопросами, чтобы сначала всё-таки обобщённо сказать о том, что я считаю, несмотря на всё сказанное ранее, сильными сторонами АСЕАН и о том, что с российской стороны надо было бы сделать в обозримом будущем для того, чтобы наши отношения поднялись на более уровень и в общем стали в конечном счёте на трек стратегического партнёрства.

Ну вот по первому вопросу, конечно же, скажу несколько вещей, которые в какой-то степени подсказаны тем, что называется Brexit и тем, что в АСЕАН сейчас меняется взгляд и на [неразборчиво] и на Евросоюз. Я думаю, что одним из залогов долголетия АСЕАН как раз была её структурная гибкость. И остаётся.

Да, АСЕАН остаётся прежде всего собранием суверенных государств и, может быть, урок Евросоюза и практики наднациональных структур Евросоюза как раз сейчас должны несколько отрезвить АСЕНА в том смысле, что им всё-таки очень хотелось найти способ двигаться этим путём, хотя они все знают, что в обозримой перспективе этого не может быть.

Я бы сказал, что будущее АСЕАН будет в значительной степени зависеть от того, будет ли найдено оптимальное соотношение между императивом национальных государств и интеграцией, которая не завершена в АСЕАН ни в одной из стран-участниц, включая самые, наверное, [неразборчиво]; между этим императивом, между императивом продолжения регионального сотрудничества и между необходимостью откликаться на вызовы глобализации. Очень сложная проблема, которая стоит сегодня практически перед всеми странами мира, включая, между прочим, Европу, которая напомнила о том, что национальные государства в интеграции никогда не достигается раз и навсегда. Это проблема, которая в каждой новой исторической ситуации должна быть решена по-новому. И сейчас вот Великобритания - старейшая и, казалось бы, одна из самых зрелых европейских наций превратит [неразборчиво] переструктурировать себя как национальное государство. Тем более это всё важно для АСЕАН.

Но, что касается Российских, ну общих задач Россия-АСЕАН, без решения которых невозможно их дальнейшее плодотворное сотрудничество. Я бы сказал, что, может быть, одна из самых главных вещей, которые должны быть на сегодня - и Россия и АСЕАН должны устоять в обстановке того однополярного реванша, который сейчас планирует Запад, как самостоятельные и сильные игроки на международной арене. России особенно нужно создавать условия в области инфраструктуры и логистики на Дальнем Востоке для реализации тех самых человеческих контактов [неразборчиво]. Ну и самое последнее. Всё-таки без ускоренной диверсификации российской промышленности, без воссоздания в стране промышленной базы с опорой на новые, передовые отрасли у нас не будет [неразборчиво] отношений ни с кем в современном мире, включая АСЕАН. И вот это очень важно, мне кажется, для нас.

Большое спасибо за внимание! Я хочу поблагодарить вас за интересные и содержательные вопросы, а наших переводчиков за прекрасную работу.